

тичной историографии и установки масонского этического учения. Он полагал, что «нерастворенное убедительными деяний причинами, любомудрыми и политическими рассуждениями законов и прав естественных и гражданских приводами (...) и солью приятного красноречия не уваженное повествование есть скука читателю и самому повествователю посрамление».² К пониманию целей исторических разысканий он подходил не столько как ученый, сколько как писатель, рассматривая свою конечную задачу в аспекте морального совершенствования общества. Должность историка, по его мнению, состояла в том, чтобы «исследуя бытию причины, извлекать вредныя или полезныя следствия и, отверзая душу и сердце действующих лиц, открывать добродетель к подражанию и порок к отвращению...»³ Обязательным условием выполнения этой нравственной установки является, по мнению Елагина, доходчивость и ясность языка исторического сочинения: «...его легкий и приятный слог, услаждая читателя, вливает в чувствования его нравственных строгость правил».⁴

Непререкаемым авторитетом в ведении исторического повествования и в выполнении историком его нравственного долга остается для Елагина Тацит, о чем он прямо пишет: «Тацитова летопись и сочиненные им некоторых Римских тиранов частные жития будут мне предначертанием, которого я в Опыте моем предпочтительно держаться намерен».⁵ И, однако, в своих построениях, а также в интерпретации сообщаемых в летописях отдельных событий древности Елагин зачастую проявляет субъективизм, навязывая истолкованию этих событий смысл, не находящий подтверждения в источниках.

Наиболее показательным примером надуманности исторических построений Елагина можно считать изложение им в третьей книге фантастической версии эпизода «выбора вер» князем Владимиром, датируемого 986 г. Согласно автору «Опыта...», рассказ Нестора в «Повести временных лет» был основан не на словесных преданиях, но составлен по каким-то сбереженным в книгохранилищах древним запискам.⁶ Эти «записки» основывались, по мнению Елагина, на сюжете некоего театрального представления, якобы разыгранного при дворе Киевского князя по пьесе, которую сочинила одна из его жен, гречанка по происхождению. Князь был в ней представлен главным действующим лицом, и на протяжении пьесы к нему поочередно являются послы от болгар, от папы, от иудеев, пытающиеся убедить Владимира в преимуще-

² Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. С. VIII.

³ Там же. С. IX.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. XXXVI.

⁶ Там же. С. 391.